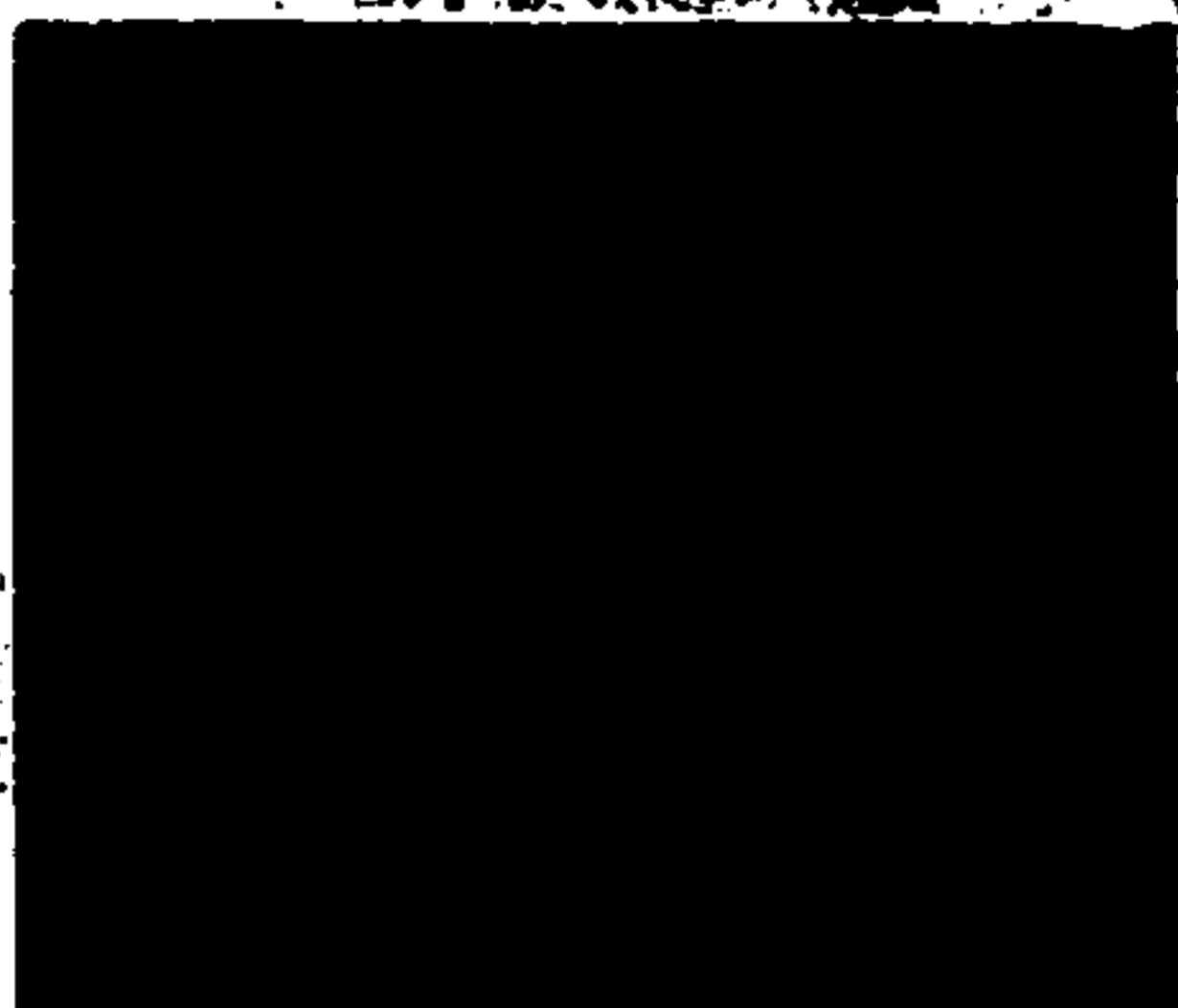

C $\frac{47}{255}$

роттердамский

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ.

..... САТИРА
ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО, СЪ
ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ

≡ Проф. П. Н. АРДАШЕВА. ≡

Изданіе третье, исправленное.

КІЕВЪ.

Типографія П. П. Чокколова, Фундуклеевская, № 22.
1910.

Цѣна 50 коп.

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ.

..... САТИРА
ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО, СЪ
ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ

≡ Проф. П. Н. АРДАШЕВА. ≡

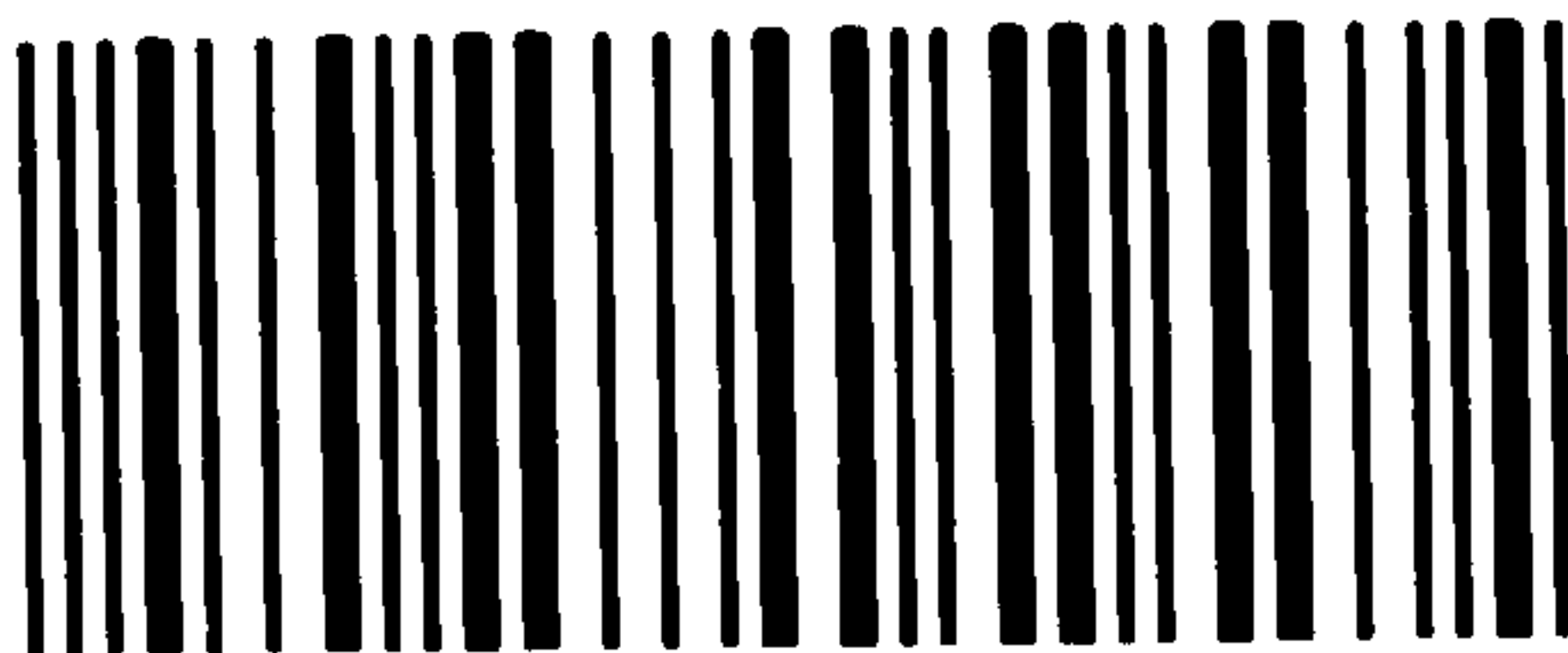
Изданіе третье, исправленное.

КІЕВЪ.
Типографія Н. Н. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.
1910.

8897-38

2007066136

ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ

И ЕГО САТИРА

== „ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ“. ==

I.

Эразмъ принадлежалъ къ старшему поколѣнію германскихъ гуманистовъ, поколѣнію „Рейхлиновскому“, хотя и къ числу младшихъ его представителей (онъ былъ на 12 лѣтъ моложе Рейхлина). Но по характеру своей литературной дѣятельности, именно по ея сатирическому оттѣнку, онъ уже въ значительной степени примыкаетъ къ гуманистамъ младшаго, „Гуттеновскаго“ поколѣнія. Впрочемъ, Эразма нельзя отнести вполне ни къ какой группѣ гуманистовъ: онъ былъ „человѣкъ самъ по себѣ“, какъ выражается о немъ въ одномъ мѣстѣ авторъ одного изъ Писемъ темныхъ людей (*Epistolae obscurorum virorum*). Онъ, дѣйствительно, представляетъ собою особую, самостоятельную и вполне индивидуальную величину въ средѣ германскаго гуманизма. Начать съ того, что Эразмъ не былъ даже въ строгомъ смыслѣ германскимъ гуманистомъ: его можно назвать скорѣе европей-

скимъ гуманистомъ, такъ сказать -- международнымъ. Дѣйствительно, Эразмъ представляетъ собою совершенно космополитическую фигуру. Германецъ по своей принадлежности къ имперіи, голландецъ по крови и по мѣсту своего рожденія, онъ всего менѣе былъ похожъ на голландца по своему подвижному, живому, сангвиническому темпераменту, и, быть можетъ, потому такъ скоро отбился онъ отъ своей родины и во всю свою жизнь не чувствовалъ къ ней особеннаго влеченія. Но и Германія, гдѣ онъ провелъ бѣольшую часть своей жизни, не сдѣлалась для него второю родиной. Германскій патріотизмъ, одушевлявшій большинство его соотечественниковъ-гуманистовъ, остался ему совершенно чуждъ, какъ и вообще всякій патріотизмъ. Можно сказать, что его настоящею родиной былъ античный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя, дѣйствительно, какъ дома, и латинскій языкъ былъ, можно сказать, его настоящимъ роднымъ языкомъ: на немъ онъ не только писалъ съ легкостью Цицерона или Тита Ливія, но и говорилъ на немъ совершенно свободно, -- во всякомъ случаѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ на своемъ „родномъ“, голландскомъ нарѣчій. Не лишено характерности въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что подъ старость Эразмъ, послѣ долгихъ скитаній по свѣту, избралъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ имперскій городъ Базель, имѣвшій, и по своему политическому и географическому положенію, и по составу своего населенія, международный, космополитическій характеръ.

Наконецъ, совершенно особое мѣсто занимаетъ Эразмъ въ исторіи германскаго гуманизма еще и по

тому небывало вліятельному положенію въ обществѣ, какое — впервые въ европейской исторіи — получилъ въ его лицѣ человѣкъ науки и литературы. До Эразма исторія не знаетъ ни одного подобнаго явленія — да такого и не могло быть до изобрѣтенія книгопечатанія; послѣ Эразма, за все продолженіе новой исторіи, можно указать лишь одинъ аналогичный фактъ: именно, только то, совершенно исключительное положеніе, которое выпало на долю Вольтера въ апогее его литературной славы во второй половинѣ XVIII в., можетъ дать понятіе о томъ вліятельномъ положеніи, которое занималъ въ Европѣ Эразмъ въ первой половинѣ XVI в.

„Отъ Англіи до Италіи — говоритъ одинъ современникъ Эразма —, отъ Польши до Венгріи гремѣла его слава“. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіи и почетныя приглашенія. Могущественнѣйшіе государи эпохи, Генрихъ VIII Англіійскій, Францискъ I Французскій, папы, кардиналы, прелаты, государственные люди и самые извѣстные ученые считали за честь находиться съ нимъ въ перенескѣ. Папская курія предлагала ему кардинальство; баварское правительство готово было назначить ему огромное по тому времени содержаніе за то только, чтобы онъ поселился въ Юрибергъ. Когда ему случилось однажды пріѣхать во Фрейбургъ, то ему была устроена торжественная встрѣча, точно государю: магистратъ, цехи и корпораціи съ распущенными знаменами вышли къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи всего населенія города. Эразма называли „оракуломъ Европы“. И дѣйствительно, отовсюду обращались къ нему за совѣтами не только люди науки по поводу разныхъ научныхъ вопросовъ, но и

государственные люди, даже государи—по поводу вопросов политических.

Эразмъ родился въ 1467 г. въ голландскомъ городѣ Роттердамѣ. Отецъ его принадлежалъ къ одной изъ мѣстныхъ бюргерскихъ фамилій. Въ молодости онъ увлекся одною дѣвушкой и встрѣтилъ взаимность съ ея стороны. Но родители, имѣвшіе въ виду посвятить своего сына духовной карьерѣ, судили иначе и не дали своего разрѣшенія на женитьбу. Послѣдствіемъ этого было то, что молодые люди сошлись внѣ законнаго брака, и плодомъ этой связи былъ Дезидерій Эразмъ, будущій знаменитый гуманистъ.

Еще ребенкомъ Эразмъ лишился обоихъ родителей. Незаконнорожденный и круглый сирота — эти два обстоятельства не могли не оставить глубокаго слѣда въ жизни Эразма и не наложить извѣстнаго отпечатка на его характеръ. Нѣкоторая робость, граничившая подчасъ съ трусостью, и нѣкоторая скрытность — эти двѣ столь много повредившія ему впослѣдствіи черты его характера — объясняются въ значительной степени, именно, тою пришибленностью, которую онъ долженъ былъ рано почувствовать вслѣдствіе своего преждевременнаго сиротства, усубленнаго вдобавокъ незаконнорожденностью, которая въ глазахъ тогдашняго общества налагала на ребенка печать позора. Последнее обстоятельство имѣло для Эразма еще и другое, болѣе реальное значеніе: оно заранѣе закрывало юношѣ всякую общественную карьеру. Молодому Эразму оставалось пойти въ монастырь. Онъ и безъ того не имѣлъ особеннаго влеченія къ монастырской жизни; а теперь, непосредственное

знакомство со всѣми темными и непривлекательными сторонами тогдашняго монастырскаго быта лишь усилили въ немъ отвращеніе къ монашеству, и тѣ язвительныя стрѣлы, которыя цѣлымъ градомъ сыплются въ монаховъ изъ его сатирическихъ произведеній, представляютъ собою въ значительной мѣрѣ лишь отголосокъ тѣхъ думъ и чувствъ, которыя были пережиты Эразмомъ въ пору его вынужденнаго пребыванія въ постылыхъ монастырскихъ стѣнахъ. Счастливый случай помогъ ему вырваться изъ монастырской атмосферы, въ которой онъ задыхался. Даровитый юноша, обращавшій на себя вниманіе своими выдающимися познаніями, блестящимъ умомъ и необыкновеннымъ искусствомъ владѣть изящною латинскою рѣчью, нашелъ себѣ скоро меценатовъ. Благодаря послѣднимъ, Эразмъ получилъ возможность много путешествовать и побывать во всѣхъ главныхъ тогдашнихъ центрахъ гуманизма. Прежде всего онъ поналъ въ Парижъ, который, впрочемъ, въ то время былъ гораздо болѣе центромъ схоластической учености, чѣмъ гуманистической образованности. Изданное имъ здѣсь первое крупное сочиненіе *Adagia*, сборникъ изреченій и анекдотовъ, взятыхъ изъ различныхъ античныхъ писателей, сдѣлало его имя извѣстнымъ въ гуманистическихъ кругахъ всей Европы. Затѣмъ Эразмъ имѣлъ возможность побывать въ Италіи, этой обѣтованной землѣ гуманистовъ, гдѣ, какъ пишетъ самъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „стѣны ученѣе и краснорѣчивѣе обитателей Голландіи“. Когда онъ пріѣхалъ въ Англію, то здѣшніе гуманисты встрѣтили его уже какъ своего извѣстнаго собрата. Наиболее выдающійся среди англійскихъ гуманистовъ,

знаменитый авторъ Утопiи, Томасъ Моръ, сдѣлался однимъ изъ наиболее близкихъ друзей Эразма. Въ Англіи Эразмъ былъ нѣсколько разъ, и во время одного изъ своихъ путешествій туда — изъ Италіи — и была имъ набросана его знаменитая сатира Похвала Глупости, разнесшая его извѣстность въ болѣе широкіе круги тогдашней читающей публики. И самое сочиненіе это было посвящено Эразмомъ Томасу Морю, какъ и почему — это онъ объясняетъ въ своемъ письмѣ къ нему, предпосланномъ въ качествѣ предисловія къ сатирѣ.

Послѣ долгихъ скитаній, Эразмъ поселился наконецъ на постоянное жительство въ Базелѣ, гдѣ провелъ почти безвыѣздно послѣдніе годы своей жизни. Здѣсь окончилъ онъ и дни свои въ 1536 г.

II.

Какъ гуманистъ, Эразмъ всего ближе примыкаетъ къ Рейхлину: и тотъ и другой являются выдающимися носителями того научнаго духа, духа изслѣдованія и точнаго знанія, который составляетъ одну изъ наиболее существенныхъ чертъ въ характеристикѣ гуманизма вообще. Подобно Рейхлину, онъ работалъ надъ критическимъ изданіемъ произведеній древнихъ классиковъ, съ обстоятельными критическими комментаріями. Наряду съ Рейхлиномъ, Эразмъ былъ однимъ изъ немногихъ въ то время знатоковъ греческаго языка и литературы. Объ авторитетѣ, которымъ пользовался Эразмъ въ области греческой филологіи, можно судить,

напримѣръ, по тому факту, что его мнѣніе относительно способа произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ греческаго алфавита (эты и дифтонговъ) получило всеобщее признаніе и практическое примѣненіе въ Германіи, наперекоръ укоренившейся традиціи и вопреки авторитету учителей-грековъ. Эразмъ также впервые примѣнилъ въ широкомъ масштабѣ научные приемы къ разработкѣ богословія; благодаря своимъ критическимъ изданіямъ Новаго Завѣта и Отцовъ Церкви, онъ, можно сказать, положилъ основаніе научному богословію на Западѣ, вмѣсто традиціоннаго, схоластическаго богословія. Въ частности, Эразмъ въ значительной степени подготовилъ почву для протестантскаго богословія — и это не только своими изданіями богословскихъ текстовъ, а также и нѣкоторыми изъ своихъ богословскихъ идей, которыя потомъ были восприняты протестантскими богословами (и отвергнуты богословами католическими). Такимъ образомъ, Эразмъ, который всѣ послѣдніе годы своей жизни старательно отрещивался отъ всякой солидарности съ реформаціей, оказался, наперекоръ своему желанію, въ роли одного изъ основателей протестантской догматики. Въ этомъ случаѣ литературно-научная дѣятельность Эразма соприкасается положительнымъ образомъ съ реформаціоннымъ движеніемъ. Она соприкасается съ послѣднимъ также и отрицательнымъ образомъ, именно — поскольку въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ Эразмъ выступаетъ обличителемъ отрицательныхъ сторонъ современной ему церковной дѣйствительности.

Изъ его двухъ крупныхъ сатирическихъ произве-

дений — Обыденныхъ разговоровъ (*Collotia familiaria*) и Похвалы глупости (*Moriae ensomium, sive Stultitiae laus*), имѣвшихъ почти одинаковый успѣхъ въ свое время, я останавлиюсь лишь на послѣднемъ, которое предлагаю въ русскомъ переводѣ вниманію читающей публики.

Похвала Глупости написана была Эразмомъ, какъ говорится, между прочимъ. Если придавать буквальное значеніе свидѣтельству самого автора въ его предисловіи въ формѣ письма къ своему пріятелю Томасу Мору, то сочиненіе это было имъ написано отъ нечего дѣлать, въ теченіе его — конечно, продолжительнаго при тогдашнихъ способахъ передвиженія — путешествія изъ Италіи въ Англію. Во всякомъ случаѣ Эразмъ смотрѣлъ на это свое сочиненіе, лишь какъ на литературную бездѣлку. Этой литературной бездѣлкѣ, однако, Эразмъ обязанъ своей литературной знаменитостью и своимъ мѣстомъ въ исторіи европейской литературы въ не меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ своимъ многотомнымъ ученымъ трудамъ, которые, сослуживъ въ свое время свою службу, давнымъ-давно опочили въ захолустьяхъ книгохранилищъ, подъ слоемъ вѣковой пыли, въ то время какъ Похвала Глупости продолжаетъ до сихъ поръ читаться — если сравнительно немногими въ подлинникѣ, то можно сказать всеми — въ переводахъ, которые имѣются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и тысячи образованныхъ людей продолжаютъ зачитываться этой гениальной шуткой остроумиѣйнаго изъ ученыхъ и ученѣйнаго изъ остроумныхъ людей, какихъ только знаетъ исторія европейской литературы.

Врядъ ли исторія литературы можетъ указать другое аналогичное литературное произведеніе, которое могло бы сравняться своимъ успѣхомъ съ „Похва-лою Глупости“. Во всякомъ случаѣ, до появленія въ свѣтъ, нѣсколькими годами позднѣе, Писемъ тем-ныхъ людей, это былъ первый случай со времени появленія печатнаго станка, такого по истинѣ колос-сальнаго успѣха печатнаго произведенія. Достаточно сказать, что напечатанная въ первый разъ въ Парижѣ, въ 1509 г., сатира Эразма выдержала въ нѣсколько мѣсяцевъ до семи изданій: всего же при жизни Эразма въ разныхъ мѣстахъ она была переиздана не менѣе сорока разъ. Полнаго списка всѣхъ изданій этого про-изведенія, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на новые языки, до сихъ поръ не составлено. Издан-ный въ 1893 г. дирекціей университетской библіотеки въ Гентѣ предварительный и, слѣдовательно, подлежа-щій исправленіямъ и дополненіямъ, списокъ изданій всѣхъ сочиненій Эразма насчитываетъ, для „Похвалы Глупости“ (въ подлинникѣ и въ переводахъ) болѣе двух-сотъ отдѣльныхъ изданій (точная цифра — 206).

Этотъ безпримѣрный успѣхъ объясняется, конечно многими обстоятельствами, изъ которыхъ громкое имя автора, разумѣется, играло не послѣднюю роль; но главныя условія успѣха лежали, несомнѣнно, въ са-момъ произведеніи. Здѣсь, прежде всего, надо отмѣ-тить удачный замыселъ, вмѣстѣ съ блестящимъ его выполненіемъ. Эразму пришла очень удачная мысль — взглянуть на окружающую его, современную ему дѣй-ствительность, наконецъ — на все человѣчество, на весь міръ — съ точки зрѣнія глупости. Эта точка зрѣнія,

исходящая изъ такого общечеловѣческаго, присущаго „всѣмъ временамъ и народамъ“ свойства, какъ глупость, дала автору возможность, затрогивая массу животрепещущихъ вопросовъ современности, въ то же время придать своимъ наблюденіямъ надъ окружающею дѣйствительностью характеръ универсальности и принципиальности, — освѣтить частное и единичное, случайное и временное съ точки зрѣнія всеобщаго, постоянного, закономернаго. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, авторъ могъ, набрасывая сатирико-юмористическія картины современнаго ему общества, рисовать сатирическій портретъ всего человѣчества.

Этотъ общечеловѣческій характеръ, являясь одною изъ привлекательныхъ сторонъ произведенія для современнаго автору читателя, въ то же время предохранилъ его отъ забвенія въ будущемъ. Благодаря ему, Похвала Глупости заняла мѣсто въ ряду нестарѣющихъ произведеній человѣческаго слова — не въ силу, правда, художественной красоты своей формы, а именно вслѣдствіе присутствія въ немъ того общечеловѣческаго элемента, который дѣлаетъ его понятнымъ и интереснымъ для всякаго человѣка, къ какому бы времени, къ какой бы націи, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ. Читая сатиру Дразма, иногда невольно забываешь, что она написана четыреста лѣтъ тому назадъ: до такой степени свѣжо, живо, жизненно и современно подѣлась то, что встрѣчаешь на каждомъ шагѣ въ этомъ произведеніи, отдѣленномъ отъ насъ четырьмя столѣтіями. Не будь латинскій языкъ пренятствіемъ для огромнаго большинства читающей публики. Похвала

Глуности продолжала бы, конечно, до сих поръ фигурировать въ числѣ ея излюбленныхъ книгъ. Для человѣка же, въ достаточной степени знакомаго съ латинскимъ языкомъ, чтеніе этого произведенія въ подлинникѣ составляетъ и теперь одно изъ лучшихъ умственныхъ наслажденій.

Кромѣ удачнаго замысла, этою своею привлекательностью Похвала Глуности обязана въ неменьшей степени и блестящему его выполненію. Выполненіе подобнаго замысла требовало, кромѣ неподдѣльнаго и высокопробнаго остроумія, еще и того, что можно назвать настроеніемъ. И то и другое имѣется въ избыткѣ въ гениальной бездѣлкѣ Эразма.

Эразмъ былъ, дѣйствительно, одаренъ рѣдкимъ остроуміемъ, остроуміемъ легкимъ, естественнымъ, недѣланымъ; оно у него бьетъ фонтаномъ, брызжетъ изъ каждой строки. По характеру своего остроумія Эразмъ очень напоминаетъ своего позднѣйшаго преемника по литературной славѣ, Вольтера.

Наконецъ, Похвала Глуности, это — одно изъ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ литературныхъ произведеній, отъ которыхъ не пахнетъ книгой. Читая ее, забываешь о книгѣ и чувствуешь непосредственное умственное соприкосновеніе съ живымъ человѣкомъ, съ сангвиническою и богато одаренною натурой, мыслящей и вдумчивой, живущей всѣми фибрами своего существа, отзывчивой и чуткой ко всему, „что не чуждо человѣку“. Это и есть то, что можно назвать настроеніемъ въ литературномъ произведеніи. Литературное произведеніе съ настроеніемъ можно опредѣлить, какъ произведеніе, которое при чтеніи менѣе напоминаетъ